

RU

Определение в абазинском языке: средства выражения и грамматическая связь с членами предложения

Пазов С. У., Пазова Л. К.

Аннотация. Цель исследования – определение основных средств, которыми в современном абазинском языке выражается наименее изученный член предложения – определение, выявление его синтаксической позиции как в структуре предложения, так и в атрибутивном комплексе. В статье на предмет частотности употребления в синтаксической позиции определения структурно-грамматическому и функциональному анализу подвергнуты все части речи абазинского языка, а также большой корпус словосочетаний и различных синтаксических конструкций, извлеченных как из образцов афористической поэзии абазин, устного народного творчества, художественной литературы, так и полевого материала авторов. Научная новизна заключается в том, что в работе впервые установлены: а) группа средств выражения определения, имеющих наибольшую частотность употребления (имя существительное, причастие, инфинитивные конструкции); б) имя прилагательное, которое как самостоятельная часть речи не используется в синтаксической позиции определения, несмотря на атрибутивный характер его семантики; в) порядок последовательности слов, выражающих определение и определяемое, и их синтаксическая связь.

EN

The attribute in the Abaza language: Means of expression and grammatical connection with sentence parts

S. U. Pazov, L. K. Pazova

Abstract. The aim of the research is to determine the primary means by which the least studied member of the sentence, the attribute, is expressed in the modern Abaza language and to identify its syntactic position both within the sentence structure and in the attributive complex. The article analyzes all parts of speech in the Abaza language, as well as a large corpus of phrases and various syntactic constructions extracted from samples of Abaza aphoristic poetry, oral folk art, fiction, and field materials collected by the authors in order to determine the frequency of the attribute in the syntactic position. The research is novel in that it is the first one to determine the following: a) the group of means of attribute expression that have the highest frequency (noun, participle, infinite constructions); b) the adjective, which, as an independent part of speech, is not used in the syntactic position of the attribute, despite the attributive nature of its semantics; c) the order of words expressing the attribute and the attribute head, and their syntactic connection.

Введение

Определение как член предложения в абазинском языке монографически не изучено. Отдельные вопросы, связанные с его особенностями, поднимались в работах А. Н. Генко (1955), Н. Т. Мальбаховой (1961), Г. П. Сердюченко (1955), Р. Н. Клычева (1987), Л. П. Чкадуа (1970), Ш. К. Аристава (1982), И. О. Гецадзе (1979), С. У. Пазова (1997), И. И. Гагиева (2000).

Отсутствие серьезных монографических исследований определения как члена предложения и основных характерных особенностей его функционирования в структуре предложения и грамматического оформления в составе различных синтаксических конструкций является одной из главных причин отсутствия в синтаксической теории современного абазинского языка стройного, непротиворечивого положения относительно того, что есть определение и каковы его основные характеристики. Более того, слабая изученность теоретических вопросов синтаксиса в целом и определения в частности приводит к различным толкованиям одного и того же языкового факта. Последнее, в свою очередь, является основанием недостатков лингвистического и методического характера, которые имеются в современных школьных учебниках и учебно-методической литературе.

Таким образом, актуальность предлагаемого исследования заключается в том, что в работе предпринята попытка установления, а в ряде случаев уточнения средств выражения определения (части речи, синтаксические конструкции) современного абазинского языка.

Предметом исследования стали различные образцы (слова, словосочетания, бинарные и многокомпонентные синтаксические конструкции) письменной и устной речи, извлеченные как из опубликованных литературных и фольклорных источников, так и полевого материала авторов с целью выявления и систематизации основных средств выражения определения в структуре предложения абазинского языка.

Достижение поставленной цели было сопряжено с решением следующих задач: установлены: а) группа средств выражения определения, имеющих наибольшую частотность употребления (имя существительное, причастие, инфинитивные конструкции); б) имя прилагательное, которое как самостоятельная часть речи не используется в синтаксической позиции определения, несмотря на атрибутивный характер его семантики; в) порядок последовательности слов, выражающих определение и определяемое, а также их синтаксическая связь.

В ходе решения поставленных задач были использованы следующие методы исследования имеющегося теоретического и иллюстративного материала: описательный метод определения структурно-семантических, грамматических и функциональных характеристик различных атрибутивных комплексов; сопоставительный – для определения общих структурно-грамматических и лексических характеристик соответствующих конструкций в разноструктурных русском и абазинском языках, которые изучаются в средней и высшей школе параллельно, в частности, результаты аналогичного анализа могут быть использованы при изучении курса «Сопоставительная грамматика русского и абазинского языков» в вузе; сравнительно-исторический метод – для выявления структурных, семантических и грамматических механизмов формирования одинаковых или близких по своему составу атрибутивных конструкций, а также синтаксических отношений (связей) между составными компонентами анализируемых конструкций в близкородственных абхазско-адыгских языках.

Теоретической основой работы послужили исследования известных ученых-лингвистов В. В. Виноградова (2001), Ш. К. Аристанова (1982), А. Н. Генко (1955), И. О. Гецадзе (1979), А. М. Камбачокова (1997), Р. Н. Клычева (1987), М. А. Кумахова (1989), К. В. Ломтатидзе (1944), Н. Т. Табуловой (1976), Т. Х. Халбад (1975), А. С. Чикобава (1961), Л. П. Чкадуа (1970), И. И. Гагиева (2000), посвященные теоретическим проблемам синтаксиса русского и кавказских языков в целом, вопросам морфологического оформления и синтаксической связи компонентов словосочетаний и инфинитивных конструкций в абхазско-адыгских языках.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты, полученные в ходе анализа языкового материала, и сам изученный языковой материал могут быть использованы при монографическом исследовании определения как члена простого предложения абазинского языка; разработке спецкурсов по отдельным трудным вопросам синтаксиса абазинского языка (шире: абхазско-адыгских языков); составлении новых учебных программ, учебников и другой учебной литературы для средней и высшей школы.

Обсуждение и результаты

В современном абазинском языке определение выражается различными частями речи и конструкциями, наиболее употребительными из которых являются существительное, причастие и причастные обороты. В синтаксической позиции определения реже встречаются местоимение, числительное, в отдельных случаях – деепричастие и наречие.

Существительные в функции определения подразделяются на две группы:

(1) существительное-определение связано с определяемым словом аффиксом посессива. В таких конструкциях синтаксическая связь, которая возникает между составными компонентами атрибутивного сочетания, напоминает согласование. Однако принципиально отличается от типа согласования, которое имеется в русском языке. В абазинском языке грамматическая форма господствующего (главного, определяемого) компонента атрибутивной конструкции зависит от определяющего слова, т. е. лично-местоименный аффикс, выражающий посессивные отношения компонентов словосочетания, присоединяется в качестве префикса к постпозитивному определяемому слову, а класс, лицо и число этого аффикса зависят от препозитивного имени существительного, которое выполняет синтаксическую функцию определения: *Агъыч йхъылпа блитI*. / «На воре шапка горит». Определение *агъыч* «вор» требует постановки лично-местоименного аффикса *й-* определяемого компонента *й-хъылпа* «его шапка» в 3 лице, единственном числе и классе мужчин. *ХIквта йбжьагылаз ахъацIа йшыгIбуз дгIацакIтI*: *йыджьымсаква йхъапахъ хIагIала йхъапалтI, йдзамгIва адаква тшIадрьгъвгъватI, дшабгаз акIвдыр дгIатгылгIатI* (ЧвзыкIа, 1981, с. 81). / «Стоявший между нами мужчина моментально (на глазах) изменился: его брови приподнялись, вены на лице (досл.: на щеках) набухли (досл.: вздулись, натянулись), и сам привстал из седла» (здесь и далее перевод авторов. – С. П., Л. П.). В данном случае в структуре атрибутивного комплекса *йдзамгIва адаква* «вены лица» определяющее слово *йдзамгIва* «щека» диктует постановку определяемого (главного) компонента сочетания в посессивную форму. Показателем аналогичной формы является префикс *а-* (3 лицо, ед. число, класс вещей) в структуре определяемого слова *адаква* «вены». Таким образом, грамматическая форма постпозитивного определяемого слова *адаква* «вены» устанавливается препозитивным определяющим компонентом *йдзамгIва* «щека».

В рассматриваемой группе синтаксическую функцию препозитивного определения в современном абазинском языке занимают:

а) как нарицательные, так и собственные имена существительные: *Дадым йлажв лажвкI гIанадын йгIай-хтI* (Табулова, 1977, с. 79). / «Старая собака Дадыма привела другую собаку (говорится о человеке, который не только сам живет за чужой счет, но и еще кого-то хочет также содержать)»;

б) субстантивированные прилагательные: *Адуква йырчауа ачкIвнквагы йырчахитI* (Табулова, 1977, с. 23). / «Что делают старшие (досл.: большие), то повторяют и младшие (досл.: маленькие)»;

в) а также отглагольные образования (имена): *АхчагIвы йлаба ашвамгъыцIара йыргылтI* (Полевой материал авторов; далее – ПМА). / «Объездчик (охранник) поставил свою палку в углу»;

(2) в современном абазинском языке синтаксическая связь между компонентами атрибутивного комплекса структурной модели «имя существительное + имя существительное» может также выражаться порядком последовательности слов. В таких случаях определение всегда бывает препозитивным, определяемый компонент – постпозитивным. *СымишI чарх щарда йгънамитI* (ПМА). / «Мое деревянное колесо прослужило недолго».

Особенностью вышеприведенной и ей подобных синтаксических конструкций является то, что посессивный аффикс *с-* (1 лицо, ед. число), который присоединяется к препозитивному определению *сы-мишI(ы)* «мое деревянное...» в качестве префикса, характеризует не только этот компонент, а все словосочетание в целом. По мнению А. М. Камбачокова (1997, с. 150), примерно такое же положение наблюдается и в кабардино-черкесском языке.

В рассматриваемой группе атрибутивного комплекса выделяются словосочетания двух типов:

а) атрибутивные словосочетания, в которых существительное, занимающее синтаксическую позицию определения, маркировано аффиксом посессива;

б) атрибутивные комплексы, в структуре которых существительное-определение не оформлено аналогичным посессивным префиксом.

Эти типы синтаксических конструкций принципиально отличаются друг от друга как грамматическим оформлением, так и синтаксическими функциями в структуре предложения.

Прежде всего в синтаксических конструкциях, где определяющее слово маркировано префиксом посессива, морфологически оформленные атрибутивные синтаксические отношения возникают не между компонентами, составляющими данное конкретное словосочетание, например, *(й)-нычва аркъан* «(его) конопляная веревка», а между именем существительным, занимающим препозицию по отношению ко всему этому сочетанию, т. е. определением *арыцIла* «бедняк» и определяющим атрибутивным комплексом, каковым выступает бинарное словосочетание *й-нычва аркъан* «(его) конопляная веревка». В таких сложных синтаксических комплексах имеется не одна, а сразу две синтаксические конструкции:

а) атрибутивная конструкция, в которой синтаксическая связь между составляющими компонентами морфологически не оформлена, а выражается порядком последовательности слов (составных компонентов), в данном случае это словосочетание *й-нычва аркъан* «(его) конопляная веревка»;

б) вышеприведенным словосочетанием *й-нычва аркъан* «(его) конопляная веревка» полностью и препозитивным именем существительным (в данном случае определяемым) *арыцIла* «бедняк».

В словосочетаниях, в которых определение не оформлено посессивным аффиксом, атрибутивные отношения между определяющим и определяемым выражены ярче: *Ауасаражв йшылхIвазла сара шварах жыы сымфакIва сгъбзихушым* (Мерымкъвиль, 1986, с. 111). / «По словам (досл.: как сказала) мудрой гадалки, я не смогу выздороветь, пока не съем оленину». В приведенном предложении атрибутивная связь между компонентами словосочетания *шварах жыы* «мясо оленя, т. е. оленина» выражена только порядком последовательности слов: препозицию занимает существительное-определение, постпозицию – определяемое слово.

В качестве определения, как и в первой группе, здесь тоже могут выступать субстантивированные прилагательные (*АгIвыма пхдзы йшгIайыз апшта йцахитI* (Табулова, 1977, с. 20). / «Чужое добро уходит так же, как и приходит») и отглагольные именные образования (*Аламба мшвы гыцхум* (Табулова, 1977, с. 40). / «Незамеченный медведь не убивается»).

Приведенные разновидности атрибутивных словосочетаний легко трансформируются, принимая то одну, то другую форму:

а) форма с лично-местоименным аффиксом посессива у определяемого слова: *Акыт ргъырIва Джъаным дагитI* (Табулова, 1977, с. 32). / «Горе аула изводит Джаныма»;

б) форма без аффикса посессива у определяемого слова: *Акыт гъырIва гъгъырIвам* (ПМА). / «Общее горе – не горе».

Следует отметить, что синтаксическая функция компонентов анализируемого типа словосочетания во многом зависит от природы глагола-сказуемого. Все вышеприведенные примеры и положения верны в том случае, когда в структуре сказуемого представлен лично-местоименный показатель только определяемого слова, который в предложении является подлежащим или дополнением. В тех же случаях, когда форманты обоих компонентов имеют место в структуре сказуемого, препозитивные и постпозитивные имена существительные выполняют функцию подлежащего или дополнения. Сравним два предложения: *АгIвычIвIвыс йыхвага йыцIта йхытI* (Табулова, 1977, с. 21). / «Тень – спутник человека (досл.: тень человека находится на его следах)» и *Асаби йыхыыз ас йамгвата йгIайыртитI* (Табулова, 1977, с. 54). / «Имя ребенку дают, завернув в рубашку (т. е. тот, кто дает ребенку имя, дарит ему и рубашку)». И в первом, и во втором предложениях имеются словосочетания структуры «имя существительное + имя существительное». В первом случае это *агIвычIвIвыс йыхвага* «тень человека», во втором – *асаби йыхыыз* «имя ребенка». В обоих случаях постпозитивное имя существительное маркировано лично-местоименным префиксом посессива (*йы-хвага* «его тень»,

йы-хьызы «его имя»). Внешне все одинаково. Однако в первом предложении глагол-сказуемое *йхьынI* «то находится на чем-то, над чем-то» содержит показатель только постпозитивного имени существительного (в данном случае – определяемого слова) *йыхвага* «его тень», которое является подлежащим предложения. Препозитивное имя существительное *агIвчIлгIлвыс* «человек» не представлено каким-либо формантом в структуре сказуемого, а относится непосредственно к подлежащему и выполняет синтаксическую функцию определения. Во втором предложении глагол-сказуемое *йгIайырIтумI* «ему что-то дают» содержит показатели обоих компонентов словосочетания. На этом основании можно установить, что препозитивное имя существительное *асаби* «ребенок» выполняет функцию косвенного, а постпозитивное *йыхьызы* «его имя» – функцию прямого дополнения. Таким образом, синтаксическая функция компонентов атрибутивного комплекса «имя существительное + имя существительное» в данном случае определяется природой сказуемого.

Причастие в синтаксической позиции определения в абазинском языке встречается так же часто, как и имя существительное. Оно может быть одиночным или составлять причастный оборот.

Причастие как определение чаще всего относится к:

а) подлежащему: *Йуыжвуаш адзы гьIацIымцIстI* (Табулова, 1977, с. 100). / «Родник, из которого ты будешь пить, еще не пробился (т. е. ты еще молод, твое счастье впереди)». Одиночное причастие *йуыжвуаш* «то, что ты будешь пить» определяет подлежащее *адзы* «вода»;

б) прямому дополнению: *ЙIларпсаз ахьва гьIаргылхуам* (Табулова, 1977, с. 96). / «Выброшенную золу не несут обратно в дом». Причастие *йIларпсаз* «высыпанная, выброшенная» относится к прямому дополнению *ахьва* «зола» и определяет его;

в) косвенному дополнению: *Йпсыз ачв хIвсна алайцумI* (Табулова, 1977, с. 98). / «В издохшего вола нож вонзает (говорится о человеке, который делает что-то некстати)». Причастие прошедшего времени *йпсыз* «издохший» определяет косвенное дополнение *ачв* «вол»;

г) в отдельных случаях к обстоятельству с предметным значением: *УгIазырсыз адзы дгIархьатI* (Табулова, 1977, с. 123). / «Реку, через которую ты только что перешел (переплыл), он давным-давно перешел (т. е. он знает больше тебя)». В этом случае обстоятельство места *адзы* «вода» имеет при себе определение *угIазырсыз* «то, через что ты перешел», выраженное причастием прошедшего времени.

Анализ атрибутивных комплексов «причастие + имя существительное» дает основание выделить две разновидности этого словосочетания, в которых:

1. Между определением и определяемым словом имеются грамматически оформленные отношения посессивности. Посессивность и в этом случае выражается классно-личными префиксами: *ЙгIашылыз йхьылпа багIдзан* (ПМА). / «Шапка вошедшего была мокрой». В данном случае определяемое слово *йхьылпа* «его шапка» оформлено лично-местоименным аффиксом посессивности **й-** (3 лицо, ед. ч., кл. вещ.), который является формантом определения *йгIашылыз* «вошедший».

Причастие *йгIашылыз* «вошедший», занимающее синтаксическую позицию определения, маркировано относительно-местоименным аффиксом **й-**, который не изменяется по лицам, классам и числам. Таким же индифферентным к изменению грамматической формы слова по классам, лицам и числам является и аффикс **з-**, встречающийся в других атрибутивных сочетаниях, близких как по форме, так и функционально. *Айсра апны йырхьызы зыгIвза йцымхьрагIауа дгыгIвзам* (ПМА). / «Кто не помогает раненному в бою товарищу, тот не достоин звания человека (досл.: тот не друг)». Обе конструкции: а) бинарны, б) образованы по одной и той же структурной модели «причастие + имя существительное», в) препозитивный компонент (причастие) и в первом, и во втором случаях образован одним и тем же аффиксом **й-** (*й-гIашылыз* «вошедший», *йы-рхьызы* «раненный»). Однако постпозитивный компонент морфологически маркирован по-разному: в первом случае имя существительное *йхьылпа* (определяемое слово) маркировано классно-личным аффиксом **й-** (*й-хьылпа*), который имеет полную парадигму (изменяется по классам, лицам и числам), во втором случае точно такое же определяемое слово (существительное *зы-гIвза* «друг, товарищ чей-то») оформлен относительно-местоименным аффиксом **зы**, который выражает в данном случае посессивность (принадлежность) безотносительно к лицу, классу и числу персоны или предмета.

Аналогичную синтаксическую конструкцию можно квалифицировать как усеченную форму трехкомпонентной структурной модели «причастие + имя существительное + имя существительное». При усечении (редукции) имени существительного, занимающего постпозицию по отношению к причастию, причастие принимает на себя функции редуцированного существительного. Полная форма аналогичных усеченных конструкций восстанавливается легко, поскольку формант усеченного существительного сохраняется в последующем структурном компоненте (имени существительном): *ЙгIашылыз ахьацIа й-хьылпа багIдзан*. / «Шапка вошедшего **мужчины** была мокрой». В этой конструкции уже два определения: а) в бинарном словосочетании *ахьацIа йхьылпа* «шапка мужчины» определяемым и одновременно главным компонентом синтаксической конструкции выступает *йхьылпа* «(его) шапка», препозитивное имя существительное *ахьацIа* «мужчина» выполняет функцию определения; б) в другой бинарной конструкции *йгIашылыз ахьацIа* «вошедший мужчина» слово *ахьацIа* «мужчина» уже становится главным и одновременно определяемым компонентом словосочетания, причастие *йгIашылыз* «вошедший» – определением.

Таким образом, в трехкомпонентной синтаксической конструкции имя существительное *ахьацIа* «мужчина» одновременно соотносится и с препозитивным компонентом *йгIашылыз* «вошедший» в качестве определяемого, и с постпозитивным существительным *йхьылпа* «шапка» уже в функции определения. В синтаксической конструкции «имя существительное + имя существительное» между компонентами словосоче-

тания имеется посессивная связь, которая грамматически оформляется классно-личным формантом в структуре постпозитивного имени существительного.

2. Характеризуя же первую часть вышеприведенной трехкомпонентной конструкции (более полной), а именно «причастие + имя существительное», необходимо отметить, что: а) частотность употребления причастия в функции определения в современном абазинском языке довольно высокая и не ниже имени существительного; б) структурно определение и определяемые компоненты и в первой, и во второй бинарных конструкциях, которые можно получить из структуры более полного словосочетания, расположены одинаково – определение занимает препозицию, определяемое – постпозицию. Синтаксическая же связь компонентов приведенных атрибутивных комплексов разная – в отличие от атрибутивной конструкции «имя существительное + имя существительное», в первом случае синтаксическая связь между определением и определяемым словом не характеризуется как посессивная, а определяется порядком последовательности слов: *йгIашылыз ахъацIа* «вошедший мужчина». *ЗымгIагы напIы йасау йгIахIуаз ачкIвынчва йырпшуан* (ПМА). / «Все, хлопая в ладоши, наслаждались (досл.: смотрели) видом танцующих ребят». В предложении атрибутивная конструкция образована причастием *йгIахIуаз* «танцующие» и именем существительным *ачкIвынчва* «ребята». И здесь в основе атрибутивных отношений между причастием *йгIахIуаз* «танцующие» и именем существительным *ачкIвынчва* «ребята» лежит порядок последовательности слов.

Определяемое имя существительное в этих комплексах в абсолютном большинстве случаев оформлено аффиксом определенности **а**-. *ЙгIатырхыз а-къама гьтарылауам* (Табулова, 1977, с. 94). / «Кинжал, вынутый из ножен, не вкладывают обратно в ножны просто так». Причастие *йгIатырхыз* «то, что вынули» определяет прямое дополнение *а-къама* «кинжал», которое оформлено аффиксом определенности **а**-.

Анализируя синтаксические конструкции структурной модели «причастие + имя существительное», нельзя их путать с аналогичной последовательностью тех же слов (частей речи), которые не создают идентичных словосочетаний и, следовательно, синтаксической связи, которую мы наблюдаем между определением и определяющим словами. Дело в том, что в абазинском языке часто встречаются случаи, когда редукция одного слова в структуре определенной синтаксической конструкции влечет за собой перераспределение синтаксических функций оставшихся членов предложения. Это наблюдалось выше, когда функцию редуцированного имени существительного (например, *ахъацIа* «мужчина», *ачкIвынчва* «ребята» и т. д.) начинало выполнять препозитивное причастие, бывшее до этого определением. Аналогичные случаи часто создают «ложную» атрибутивную конструкцию рассматриваемой грамматической модели. Между следующими друг за другом причастием и именем существительным не всегда имеются атрибутивные отношения. Сравним два предложения: *ЙгIашыхаз асаби йбжьы гIайыргатI*. / «Проснувшийся ребенок подал голос» – и *ЙгIашыхаз йбжьы гIайыргатI*. / «Проснувшийся подал голос». В первом случае причастие прошедшего времени *йгIашыхаз* «проснувшийся» относится к подлежащему *асаби* «ребенок» и выполняет синтаксическую функцию определения. Это то, о чем речь шла выше. Во втором предложении то же самое причастие уже выступает в синтаксической позиции подлежащего, на что указывает классно-личный формант субъекта **й**- (3 лицо, ед. число, кл. человека) в структуре сказуемого. Внешне сочетание *йгIашыхаз йбжьы* «голос проснувшегося» во втором предложении соответствует группе атрибутивных комплексов, где определяемое слово маркировано лично-местоименным аффиксом. Однако нельзя квалифицировать синтаксическую функцию причастия без учета структуры (природы) глагола-сказуемого. В тех случаях, когда форманты обоих компонентов сочетания имеются в структуре сказуемого, причастие и постпозитивное имя существительное выполняют функции подлежащего или дополнения в соответствии с их показателями в глаголе-сказуемом (Пазова, 1998, с. 223-224); если же сказуемое включает в себя показатель только определяемого слова, то причастие выполняет функцию определения. Аналогичное положение, как уже было рассмотрено выше, характерно и для словосочетаний, где определение и определяемое слово являются именами существительными.

Позиция причастия в качестве определения в абазинском языке регламентирована языковой нормой – эта препозиция по отношению к определяемому слову (члену предложения). Подтверждается это вышеприведенными и другими многочисленными языковыми реалиями. Однако в публицистике, поэтических произведениях и изредка в афористической поэзии абазин встречаются случаи обратной последовательности, когда причастие занимает постпозицию, а определяемое слово – препозицию. В поэтической речи и афоризмах соответствующий инверсивный строй несет стилистическую нагрузку и поэтому его не следует считать нормой: *АтшыгIв йымгIвайсуа късага гIайыквылхитI* (Табулова, 1977, с. 20). / «С проезжего всадника выкройку снимает (об искусной портнихе)». Причастие *йымгIвайсуа* «тот, кто едет, проходит, проезжает» в этом предложении определяет косвенное дополнение *атшыгIв* «всадник», хотя по отношению к последнему занимает постпозицию, которая закреплена традицией употребления.

Местоимение в функции определения встречается реже имени существительного и причастия, но частотность его употребления достаточна высока.

Местоимения 3 лица единственного числа класса мужчин *йара* «он» и класса вещей *йара* «оно» наиболее употребительны из разряда личных местоимений: *Ажьы гьвмха йара йчIвы алайцIумI* (Табулова, 1977, с. 29). / «Плохой кузнец свое добавляет (т. е. добавляет свой материал, ибо испортил чужой)». Личное местоимение *йара* «он» в этом предложении является определением и относится к прямому дополнению *йчIвы* «его», «то, что принадлежит ему».

В качестве определения указательные местоимения встречаются чаще личных. Они могут относиться к подлежащему, дополнению и обстоятельству с предметным значением, иметь простую или осложненную форму: *Ауи йымаша уа угьтарылушым* (Табулова, 1977, с. 41). / «Тебя не похоронят в его могиле (т. е. не читай

непрощенных нравоучений)». Указательное местоимение *ауи* «тот» выполняет функцию определения и относится к обстоятельству места *йымаша* «его яма (могила)».

Анализ отношений между определением и определяемым словом в рассматриваемой группе атрибутивных конструкций (так же, как и в предыдущих случаях, когда определение было выражено именем существительным или причастием), позволяет выделить две группы, в которых:

а) отношения между определением и определяемым членом предложения посессивные, грамматически выражаются лично-местоименными аффиксами: *Ауи йыйачла глаклаватI* (Табулова, 1977, с. 61). / «Его звезда упала (т. е. он умрет)». Подлежащее *йыйачла* «его звезда» маркировано аффиксом *й-* (3 лицо, ед. число, кл. вещей), указывающим на посессивные отношения между подлежащим и определяющим его местоимением *ауи* «тот». Здесь, как и в предыдущих структурных моделях, синтаксические функции составных компонентов определяет структура глагола-сказуемого, т. е. в зависимости от переходности/непереходности глагола, позиции классно-личных местоименных аффиксов в его структуре и т. д. рассматриваемая синтаксическая конструкция может быть атрибутивной или «ложной». В тех случаях, когда в структуре глагола-сказуемого представлен только классно-личный формант определяемого члена предложения, отношения препозитивного местоимения и постпозитивного имени являются атрибутивными, следовательно, постпозитивное имя существительное выполняет синтаксическую функцию подлежащего, или дополнения, или обстоятельства. Если же показатели и первого, и второго компонентов анализируемой синтаксической конструкции представлены в структуре сказуемого отдельными самостоятельными классно-личными формантами, то, несмотря на ярко выраженное отношение посессивности между ними, местоимение, так же, как и имя существительное, может выполнять функцию подлежащего или дополнения: *Ауи йхъахв гьидырам* (Табулова, 1977, с. 61). / «Он не знает себе цены». Классно-личный аффикс субъекта *й-* (3 лицо, ед. число, кл. мужчин) является формантом указательного местоимения *ауи* «тот», и поэтому оно занимает синтаксическую позицию подлежащего, а постпозитивное имя существительное *йхъахв* «его цена» – позицию прямого дополнения;

б) между определением и определяемым членом предложения нет посессивных отношений, синтаксическая связь между ними выражена порядком последовательности слов: *Ауат ахIвыхIвква зысхIваз бзильхвагIахатI* (ПМА). / «Голуби, о которых я говорил, превратились в девушек». Подлежащее *ахIвыхIвква зысхIваз* «голуби, о которых я говорил», выраженное словосочетанием, определяется указательным местоимением множественного числа *ауат* «те».

В отдельных случаях местоимение выполняет функцию определения не самостоятельно, а в составе инфинитивной конструкции (обычно причастного оборота): *Ауи дыту адзы гъхъдзарым* (Табулова, 1977, с. 61). / «Вода, в которой он (она) находится, будет всегда мутной (говорится о скандалисте)». В этом случае указательное местоимение *ауи* «тот», употребляемое в значении личного местоимения 3 лица единственного числа класса человека *йара* «он» или *лара* «она», выполняет вместе с причастием *дыту* «где (в котором) он (она) находится» функцию определения и относится к подлежащему *адзы* «вода».

Указательное местоимение в функции определения может встречаться и в осложненной форме: *Ухъа йацIбу дырта уадыргIвана антахъгьыт рцIба хIва* (Табулова, 1977, с. 127). / «Прежде чем говорить о чьих-либо недостатках, подумай о своих». Местоимение *антахъгьыт* «остальные» считается осложненной формой указательного местоимения множественного числа *ант* «те». «Оно образовано сочетанием указательного местоимения *ант*, наречия места *ах* и элемента *-гьыт*» (Табулова, 1976, с. 95). В этом предложении *антахъгьыт* является определением и относится к прямому дополнению *рыцIба* «их недостаток». Между определением и определяемым словом существуют отношения принадлежности, на что указывает классно-личный местоименный аффикс *р-* (3 лицо, мн. число) в структуре дополнения.

В качестве определения встречаются и так называемые «определятельные местоимения» *дасу* «каждый», *зымIва* «все» и другие: *ЗымIва ргвы угъзынадзарым* (Табулова, 1977, с. 90). / «Всем не угодишь (досл.: до всех сердец не дойдешь)». *ЗымIва* «все» – определение, обстоятельство *ргвы* «их сердце» – определяемое слово. *Дасу йынасыт йара йнапIлланI* (Табулова, 1977, с. 79). / «Счастье каждого в его руках». Определение *дасу* «каждый» относится к подлежащему *йынасыт* «его счастье» и связано с ним, как и в предыдущем предложении, отношением посессивности.

Числительное в синтаксической позиции определения в абазинском языке – явление нечастое. (В данном исследовании не учитываются порядковые числительные, которые имеют грамматическую форму причастия.) Прежде всего следует оговориться, что количественные числительные от 1 до 10 включительно в аналогичных синтаксических структурах по традиции имеют форму одного грамматического слова (Ломтагидзе, 1944, с. 100; Джанашиа, 1977, с. 17), т. е. пишутся слитно, поэтому функцию определения выполняет сложное слово в целом: *ГIвлакI рпыкв абарбзитI* (Табулова, 1977, с. 78). / «Две собаки друг другу морды обливают (соотв.: Рука руку моет)». Слово *гIвлакI* «две собаки» занимает препозицию и выполняет синтаксическую функцию определения. Оно относится к подлежащему *рпыкв* «их морды». Отношение посессивности, которое существует между препозитивным определением и постпозитивным определяемым подлежащим, выражено лично-местоименным префиксом *р-* (3 лицо, мн. число).

Количественные числительные в отдельных грамматических формах (например, форма грамматического класса человека у числительного «1» *заджвы*) и как самостоятельные (отдельные) слова (а не часть сложного слова, как это было в слове *гIвлакI* «две собаки») могут выполнять функцию определения. В таких случаях отношения между числительным-определением и определяемым членом предложения всегда выражаются (маркируются) лично-местоименным аффиксом посессива: *Заджвы й-чIвы гIвдыжь йгьамаркIуам* (Табулова, 1977, с. 84). /

«То, что принадлежит одному, не должно стать яблоком раздора для других». Числительное *заджвы* «один» (в классе человека) определяет прямое дополнение *йчлвы* «то, что принадлежит ему», «его собственность», а отношение принадлежности, существующее между ними, выражено аффиксом *й-* (3 лицо, ед. число, кл. мужчин) в структуре постпозитивного дополнения.

Необходимо отметить, что в анализируемых предложениях, так же, как и в предыдущих случаях, когда определение было выражено именем существительным, причастием, местоимением, наличие ярко выраженного отношения посессивности между компонентами синтаксической конструкции не может гарантировать того, что препозитивное числительное всегда будет выполнять функцию определения. В тех случаях, когда его формант представлен в структуре сказуемого, синтаксическая роль числительного определяется значением соответствующего классно-личного показателя: *Заджвы йчва глван йгыихъырхуам* (Табулова, 1977, с. 84). / «С одного человека дважды шкуру не дерут (соотв.: С одного волка две шкуры не дерут)». В этом предложении показатель препозитивного числительного *заджвы* «один» представлен в структуре сказуемого в качестве форманта косвенного объекта *й-* (3 лицо, ед. число, кл. мужчин) и поэтому слово *заджвы* в этой конструкции является косвенным дополнением (а не определением, как в предыдущих предложениях).

Особо следует сказать о порядковых числительных и их функции в предложении. Как известно, функцию порядковых числительных в абазинском языке выполняют причастия (вернее, соответствующие количественные числительные в грамматической форме причастия) (Генко, 1955, с. 179; Ломтатидзе, 1944, с. 108; Джанашиа, 1977, с. 23; Табулова, 1976, с. 88). Следовательно, в структуре предложения порядковые числительные ведут себя так же, как и рассмотренные выше причастия, выполняющие функцию определения: *Йхпахуз ауандыргы гладзатI* (ПМА). / «И третья бричка (арба) доехала». Числительное *йхпахуз* «третья» определяет подлежащее *ауандыргы* «бричка» и занимает, как и причастие, препозицию по отношению к определяемому слову.

В отдельных случаях в составе инфинитной конструкции в синтаксической позиции определения встречается и *деепричастие*, преимущественно образованное с помощью суффикса *-та*. Такое деепричастие относится к причастию, выполняющему синтаксическую функцию подлежащего или дополнения и определяет его: *Йчлвата йрымбаз дгылын тидйырбатI* (Табулова, 1977, с. 103). / «Кого сидящим не увидели, тот встал и тем обратил на себя внимание». В этом предложении подлежащее выражено причастием прошедшего времени *йрымбаз* «кого не заметили», которое имеет при себе определение *йчлвата* «сидя» в форме деепричастия.

Общей особенностью этой группы определений следует считать то, что деепричастие, сохраняя все свои формально-категориальные (грамматические) характеристики, по значению сближается с причастием, образованным относительно-местоименным аффиксом *й-*, и имеет тенденцию перехода в разряд наречий.

Наречие в качестве определения встречается реже всех вышеозначенных частей речи. Как обычно, оно определяет член предложения, выраженный именем существительным или причастием: *Уачлвы ахлампIал абга ацкыс уахьчлва ахлампIал бжа рыцIла йагььпI* (Табулова, 1977, с. 122). / «Полхампала, который можешь иметь сегодня, лучше, чем целый хампал, который обещают дать завтра (хампал – вареная лепешка из кукурузной или пшеничной муки. – С. П., Л. П.)». В этом предложении два определения, и оба выражены наречием. В первом случае производное наречие времени *уачлвы* «завтра» относится к сравнительному обороту *ахлампIал абга ацкыс* «чем целый хампал», который является обстоятельством образа действия; второе определение, выраженное также производным наречием времени *уахьчлва* «сегодня», относится к подлежащему *ахлампIал бжа* «полхампала».

В абазинском языке высока частотность употребления различных **словосочетаний и конструкций, особенно причастных оборотов**, в качестве определения.

Причастные обороты занимают препозицию по отношению к определяемому слову и характеризуют последнее так же, как и одиночные причастия, замещая функцию самого определяемого слова, когда последнее позиционно опускается.

Синтаксическая связь между определяющим причастным оборотом и определяемым словом реализуется в грамматической форме категорий посессива, определенности, а также порядком последовательности слов. В большинстве случаев между причастным оборотом и определяемым словом существует ярко выраженное отношение посессивности, которое оформляется лично-местоименными префиксами: *ХъацIара злу йгвы гьыдзуам* (Табулова, 1977, с. 135). / «Смелый духом не падает». Причастный оборот *хъацIара злу* «смелый» (досл.: тот, в ком есть мужество) определяет подлежащее *йгвы* «его сердце», отношение принадлежности, существующее между ними, грамматически выражено префиксом *й-* (3 лицо, ед. число, кл. мужчин).

В рассматриваемой конструкции после причастного оборота подразумевается наличие еще одного слова (именной части речи), к которому должен относиться этот причастный оборот. Отсутствие такого слова – основа для перераспределения функций: причастный оборот, выполняя функцию отсутствующего имени, становится определением, которое относится к следующему за ним члену предложения. Аналогичное явление наблюдается и у атрибутивных словосочетаний, в которых определением является одиночное причастие.

В языке существуют примеры употребления аналогичных атрибутивных комплексов, в которых именной компонент (определяемое слово) не опускается, не выпадает, как в предыдущих случаях: *Зыла цкьу аглвы йгвгы цкьапI* (Табулова, 1977, с. 89). / «У кого чистые (ясные глаза), у того и душа чиста». Подлежащее предложения *йгвгы* «и его сердце» маркировано лично-местоименным аффиксом посессива *й-* (3 лицо, ед. число, кл. мужчин), который указывает на отношение принадлежности между ним и предыдущим словом *аглвы* «человек». Последнее является определением и относится к подлежащему. Однако слово *аглвы* «человек», будучи определением, имеет при себе и другое определение – препозитивный причастный оборот *зыла цкьу* «у кого

глаз чистый, ясный». Слово *агIвы* «человек» в этой ситуации является одновременно и определением (по отношению к постпозитивному подлежащему), и определяемым словом (по отношению к препозитивному причастному обороту). Таких примеров немного, однако они существуют параллельно с усеченными формами вышеприведенных словосочетаний.

В абазинском языке выделяется группа атрибутивных комплексов рассматриваемой структуры, в которых посессивный аффикс определяемого слова заменяется префиксом определенности а-. Аффикс определенности а-, в свою очередь, генетически связан с посессивным префиксом а- (3 лицо, ед. число, кл. вещей), оба они восходят к указательному местоимению (Халбад, 1975, с. 66-90). *АквIлу йтам адзы гьIачвум* (Табулова, 1977, с. 32). / «Вода, которой нет в миске, из нее не выливается (соотв.: Нет дыма без огня)». Причастный оборот *аквIлу йтам* «то, чего нет в миске» определяет подлежащее *адзы* «вода», которое оформлено аффиксом определенности а-.

Наряду с аналогичными синтаксическими конструкциями, в которых синтаксические отношения препозитивного словосочетания (причастного оборота) и определяемого постпозитивного члена предложения (в большинстве случаев имени существительного, выполняющего в предложении синтаксическую функцию подлежащего или дополнения) грамматически оформляются посессивными префиксами или аффиксом категории определенности, в абазинском языке имеются и атрибутивные конструкции соответствующей структуры, которые формируются только порядком последовательности слов: *ДжьагIвагIв дызмам гIвычIгIвыс адунай джьыквым* (Табулова, 1977, с. 82). / «Нет в мире человека, у которого нет недоброжелателей (завистников)». Причастный оборот *джьагIвагIв дызмам* «у кого нет недоброжелателя» является определением и относится к подлежащему *гIвычIгIвыс* «человек». Синтаксическая связь определения и определяемого слова в данном случае выражена порядком их последовательности, определяемое подлежащее не маркировано, как в предыдущих случаях.

В абазинском языке имеются различные структурные модели определений, которые выражены причастным оборотом: *ЧIгIва пугIара йджвыквылиз атиада лымхIадъа йгIайхтI* (Табулова, 1977, с. 139). / «Осел, отправившийся на поиски рогов, вернулся без ушей». Определение *чIгIва пугIара йджвыквылиз* «отправившийся на поиски рогов» выражено причастным оборотом, состоящим из трех компонентов. Стало быть, в данном случае определение выражено трехкомпонентной конструкцией, состоящей из имени существительного (*чIгIва* «рог/рога»), масдарной формы глагола (*пугIара* «искать») и причастия прошедшего времени (*йджвыквылиз* «отправившийся»).

Обращает на себя внимание то, что в отдельных случаях именной компонент причастного оборота выполняет самостоятельную синтаксическую функцию: *АлахIва запхъагылагIву апсгIачIкIкIва атипсы йазнарцанI* (Табулова, 1977, с. 41). / «Если ворона – жоак птиц, она приведет их к издохшей лошади (соотв.: С кем поведешься, от того и наберешься)». Причастный оборот *алахIва запхъагылагIву* «те, для кого ворона – жоак» определяет прямое дополнение *апсгIачIкIкIва* «птицы» и это нормально с точки зрения абсолютного большинства аналогичных случаев. Однако в этом предложении классно-личный формант именной компонент причастного оборота *алахIва* «ворона» содержится в структуре сказуемого. Это показатель подлежащего (формант субъекта) *на-* (3 лицо, ед. число, кл. вещей). Стало быть, основной функцией слова *алахIва* «ворона» в этом предложении следует считать функцию подлежащего, т. е. оно (слово) одновременно выполняет две синтаксические функции: является подлежащим и как составной компонент причастного оборота – определением.

Следует отметить, что, так же, как и у одиночных причастий, в тех случаях, когда опускается определяемый член предложения, причастный оборот начинает выполнять его функции, т. е. из определения превращается в подлежащее, дополнение или обстоятельство: *ХъацIара злу йажва дгъайжъум* (Табулова, 1977, с. 135). / «Настоящий мужчина верен своему слову». В этом предложении бинарный причастный оборот *хъацIара злу* «в ком есть мужество» является подлежащим. При наличии же постпозитивного имени-подлежащего причастный оборот определяет его: *ХъацIара злу агIвы йажва дгъайжъум* (ПМА). / «Человек, в ком есть мужество, верен своему слову». В этом случае слово *агIвы* «человек» – подлежащее, а причастный оборот *хъацIара злу* «в ком есть мужество» – определение.

Помимо причастного оборота, в предложении абазинского языка функцию определения выполняют и некоторые другие словосочетания. Из них чаще встречается синтаксическая конструкция «*имя существительное + имя прилагательное*», занимающая препозицию по отношению к определяемому слову. При этом синтаксические отношения определения и определяемого выражаются:

а) грамматической категорией посессива и его аффиксами: *АчкIвын хвыц йхъылпа пидзан* (ПМА). / «Шапка мальчика (досл.: маленького мальчика) была красивой». В структуре атрибутивного комплекса *ачкIвын хвыц йхъылпа* «шапка мальчика» подлежащее *йхъылпа* «его шапка» маркировано лично-местоименным префиксом *й-* (3 лицо, ед. число, кл. муж.), указывающим на принадлежность шапки мальчику, т. е. отношения посессивности между определяемым словом и определением *ачкIвын хвыц* «маленький мальчик»;

б) порядком последовательности слов: *АгIв бзи клас лхъацIатI* (Табулова, 1977, с. 18). / «Она надела платок хорошего человека (т. е. подчинилась обстоятельствам)». Определение, выраженное словосочетанием *агIв бзи* «хороший человек», стоит непосредственно перед прямым дополнением, которое не маркировано, как в предыдущих случаях, аффиксами посессива или категории определенности. В этом случае синтаксическая связь между определением и определяемым выражена порядком их последовательности.

Словосочетание, выраженное синтаксической конструкцией «*имя существительное + имя существительное*», встречается как определение реже. Основой структурной модели «*имя существительное + имя существительное*» в данном случае является сочинительная связь между составляющими его компонентами и оформляется повторяющимся союзным аффиксом *-и*: *АчкIвыни апхIвыспи руыс жвлара уысхатI* (ПМА). /

«Дело парня и девушки стало резонансным (досл.: стало делом общественным, делом общества)». Словосочетание *ачкӀвыни аплӀвысти* «парень и девушка» определяет следующее за ним подлежащее *руыс* «их дело». Оно оформлено лично-местоименным префиксом *р-* (3 лицо, мн. число), указывающим на отношение посессивности между определением и определяемым. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что союзный аффикс *-и* присоединяется не к одному, а к обоим компонентам сочетания одновременно.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования языкового материала абазинского языка, можно констатировать:

1. Основными средствами выражения определения являются:
  - имя существительное (в том числе и субстантивированные слова, и отглагольные образования);
  - имя числительное (в основном количественные и порядковые, имеющие грамматическую форму причастия);
  - местоимение (в основном личные и указательные);
  - причастие и причастные обороты;
  - деепричастие в составе инфинитивной конструкции;
  - наречие (в редких случаях);
  - различные словосочетания и синтаксические конструкции.
2. Главными формами грамматической связи между определением и определяемым словом можно считать атрибутивные отношения между ними, которые: а) морфологически маркированы лично-местоименными префиксами посессива и б) порядком их последовательности, при которой кроме отдельных исключений определение занимает препозицию, определяемое слово – постпозицию.

При этом следует отметить, что в отличие от русского языка в данном случае *грамматически* опорным компонентом соответствующей синтаксической конструкции является препозиционное определение, управляющее грамматической формой определяемого слова. В содержательном плане определяемое слово сохраняет за собой главенствующее положение и выполняет в структуре предложения синтаксическую функцию подлежащего или дополнения. Известным исследователем абхазского и абазинского языков академиком Л. П. Чкадуа соответствующая форма связи между определением и определяемым названа отражением.

3. Имеется еще одна морфологически маркированная форма грамматической связи определения и определяемого – это когда препозитивное определение управляет формой постпозитивного определяемого аффиксом категории определенности *а-*. Эта форма по своей сущности близка к той, которая образуется с помощью посессивных отношений членов синтаксической конструкции, но в отличие от лично-местоименных посессивных аффиксов префикс определенности не изменяется по лицам, классам и числам.

4. Особо следует отметить, что имя прилагательное самостоятельно, вне структуры словосочетания или другой синтаксической конструкции, в абазинском языке не выполняет синтаксическую функцию определения. Аналогичную позицию определения прилагательное может занять в субстантивированном виде. Но это уже другой статус слова.

На наш взгляд, дальнейшее исследование средств выражения определения в абазинском языке будет целесообразным проводить совместно с вопросами сущности и особенностей имени прилагательного, выполняющего функцию атрибута (в плане содержания) в структуре синтаксических конструкций, но при этом как самостоятельной лексической единицы, не оформляющейся морфологически соответствующим образом.

Источники | References

1. Аристава Ш. К. Проблема простого предложения в абхазском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1982.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / под ред. Г. А. Золотовой. Изд-е 4-е. М.: Русский язык, 2001.
3. Гагиев И. И. Синтаксис простого предложения в абазинском языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2000.
4. Генко А. Н. Абазинский язык. Наречие Тапанта. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.
5. Гецадзе И. О. Очерки по синтаксису абхазского языка: синхронно-диахронная характеристика. Л.: Наука, 1979.
6. Джанашиа Р. С. Имя числительное в абхазско-адыгских языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тбилиси, 1977.
7. Камбачоков А. М. Проблемы простого предложения в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Эль-фа, 1997.
8. Клычев Р. Н. Некоторые вопросы синтаксиса абазинского языка // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1987. Т. 14.
9. Кумахов М. А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989.
10. Ломтатидзе К. В. Тапантский диалект абхазского языка (с текстами). Тбилиси, 1944.
11. Мальбахова Н. Т. Синтаксические функции причастия в абазинском языке // Родной и русский языки в школах народов Северного Кавказа: сборник статей. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1961.
12. Мерымкьвыль В. Абаза уагӀа рлокӀква. Черкесск: Ставрополь гӀырагӀацӀщтырта Къарча-Черкес ахъвшара, 1986.
13. Пазов С. У. Синтаксический разбор простого предложения в абазинском языке // Актуальные вопросы абхазско-адыгской филологии: межвузовский сборник научных трудов. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный педагогический университет, 1997.

14. Пазова Л. К. О некоторых синтаксических особенностях словосочетания «причастие + имя существительное» // Алиевские чтения: тезисы докладов. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный педагогический университет, 1998.
15. Сердюченко Г. П. Язык абазин // Известия Академии педагогических наук РСФСР. 1955. № 67.
16. Табулова Н. Т. Афористическая поэзия абазин. Черкесск: Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт, 1977.
17. Табулова Н. Т. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1976.
18. Халбад Т. Х. Выражение категорий определенности и неопределенности в абхазско-адыгских языках. Тбилиси: Мецниереба, 1975.
19. ЧвзыкЪа Ш. Схаквлагъчва. Черкесск: Ставрополь гъырагъаццтырта Къарча-Черкес ахъвшара, 1981.
20. Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках: в 2 кн. Тбилиси: АН Груз. ССР, 1961. Кн. 2. Теории сущности эргативной конструкции.
21. Чадуа Л. П. Связь слов в предложении // Сборник материалов по абхазскому языку. Тбилиси: Мецниереба, 1970.

Информация об авторах | Author information

RU**Пазов Сергей Умарович¹**, к. филол. н., проф.**Пазова Лилия Кяшифовна²**, к. пед. н., доц.^{1,2} Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск**EN****Sergey Umarovich Pazov¹**, PhD**Liliya Kyashifovna Pazova²**, PhD^{1,2} Umar Aliev Karachai-Cherkess State University, Karachayevsk¹ Pazov@rambler.ru, ² liliapazova@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.08.2024; опубликовано online (published online): 16.09.2024.

Ключевые слова (keywords): средства выражения определения; инфинитные конструкции; грамматическое оформление атрибутивных отношений; порядок слов в атрибутивных конструкциях; means of attribute expression; infinite constructions; grammatical expression of attributive relations; word order in attributive constructions.